

Пролог

Лондон

Апрель 1800 года

Марлоу Дрейк по прозвищу Торн, устало прислоняясь к колонне, со скучающим видом наблюдал за гостями бала. Бал в честь получения Марлоу титула герцога Торнсток — отсюда и прозвище — давали в знаменитом Девоншир-Хаусе, что после перестройки 1733 года стал главным украшением лондонской Пикадилли. Марлоу творение знаменитого архитектора в модном неоклассическом стиле не впечатлило. По правде говоря, его в столице вообще мало что впечатляло. Насколько лучше он чувствовал бы себя здесь, будь рядом с ним его сестра-близнец Гвинет — Гвин, как он всегда ее называл. Увы, на просьбу Марлоу вернуться в Англию вместе с ним она ответила отказом, и сейчас он мог вести с ней лишь воображаемый диалог. Торнсток представлял, как потешалась бы Гвин, глядя на столичных модников, чьи туго накрахмаленные и хитроумно закрученные краваты делали их удивительно похожими на лишенных шеи неуклюжих пингвинов. И еще они с Гвин могли бы развлечься, заключив пари, кто из присутствующих напьется первым и первым станет всеобщим посмешищем. Да, Гвинет было бы здесь весело.

А рядом с ней и Торн бы повеселился.

Видит бог, он ужасно скучал без нее. До сих пор они были неразлучны, и Марлоу по сей день обижал тот факт, что Гвин, провожая его в плавание, совсем не выглядела огорченной. Он же не находил себе места ни на пароходе, ни здесь, в Англии. Марлоу и представить не мог, что здесь, на родине предков, ему будет так одиноко. Он, черт возьми, англичанин и по рождению, и по воспитанию! В Берлине, где он жил почти с рождения — родился он все же в Англии, — Марлоу никогда себя своим не чувствовал, и потому тешился надеждой на то, что, попав в Англию, тут же мысленно воскликнет: «Вот мой настоящий дом!»

В реальности же его окружали чужие запахи и странные вкусы: от подаваемого по утрам слугами водянистого кофе, похожего цветом на мутноватую жижу, до непонятной жидкости, которую он пил сейчас. Эта жидкость лишь отдаленно напоминала портвейн, но до того портвейна, что он пил в Пруссии, этому напитку было далеко, как до Луны.

— Как тебе нравится наша ярмарка невест? — поинтересовался, подойдя к нему, его единоутробный брат по прозвищу Грей. — Но, кажется, тебе не с чем ее сравнить? Ты ведь прежде не бывал на такого рода мероприятиях, верно?

Флетчер «Грей» Прайд, сын герцога Грейкорта, имевшего счастье — или несчастье — быть в числе троих мужей Лидии Флетчер, приходившейся матерью как Марлоу Дрейку, так и Грею, вернулся в Англию в десятилетнем возрасте. Старший сын герцога, он должен был научиться всему, что потребует от него титул, когда придет время. За пятнадцать лет, проведенных в Англии, он вполне здесь осво-

ился, в отличие от Торнстока, проведшего в стране всего шесть месяцев.

Торн ни за что не позволил бы старшему брату догадаться о том, что ему здесь не по себе.

— И это вы называете ярмаркой? — насмешливо протянул Торн. — Здесь и не пахнет настоящим торгом. Где хитроумные мамыши, отчаянно стремящиеся сбыть с рук залежалый товар? Где они — ловкие охотницы за простаками?

Грей рассмеялся в ответ.

— Если приглядеться пристальнее, можно заметить и хлопотливых мамаш, и кокетливых бесприданниц. Но здесь немало наследниц и, пожалуй, папаш, подозревающих потенциальных женихов во всех смертных грехах, не меньше, чем пронырливых мамаш.

— Тогда, наверное, я должен радоваться тому, что Гвин со мной не поехала, — резюмировал Торн. — Нам с отцом хватало забот в Берлине, когда мы, словно назойливых мух, отгоняли от Гвин охотников за приданным.

— Здесь, вместе со мной, нас было бы трое — все легче, — заметил Грей и, подняв глаза, добавил: — Гвин оценила бы роспись потолка. И не только. Она сделала бы не одну зарисовку этого дома и снаружи, и изнутри. До сих пор не возьму в толк, почему она отказалась ехать с тобой, — сказал Грей и, пристально посмотрев на Торна, спросил напрямик: — А ты знаешь?

— Она сказала, что должна помогать матери.

— Чепуха! Мама в состоянии сама о себе позаботиться. К тому же у нее есть Морис, который на нее не надышится. Нет, у Гвин была другая причина.

Торн догадывался, как зовут эту «причину». Как бы там ни было, Гвин ему душу не

открывала, а сплетничать о сестре с Греем Торн не желал.

— Кстати, а что на ярмарке невест делаешь ты? — сменил тему Торн.

Грей помрачнел.

— Я проиграл пари.

— Вот как? И на что же вы играли?

— Я должен остаться здесь до полуночи или пока меня не представят леди Джорджиане.

— Ты о дочери графа Девоншира? О той самой, что дебютировала в этом сезоне?

— О ней самой.

— Тогда тебе не придется торчать тут долго, — заключил Торн. — Тебя представят ей в числе первых.

— Как и тебя. Или ты забыл о своем высоком статусе?

— Нет, не забыл. — Как мог он забыть, когда, стоило ему появиться в зале, как все вокруг принялись с ним раскланиваться и приседать в реверансах.

— Никогда не забывай о том, кто ты такой, — снисходительно напомнил ему Грей. — Помни, что вокруг полно охотниц, мечтающих лишь о том, чтобы повесить твой герцогский венец к себе на стену в качестве трофея. Так что будь начеку!

— Можешь не сомневаться. Как только я увижу кого-нибудь из семейства Девоншир, немедленно сбегу.

— Но, советуя тебе держать ухо востро, я имел в виду вовсе не Девонширов. Они по статусу выше нас с тобой, и я не стал бы портить с ними отношения. Кто

знает, быть может, мне придется обратиться

6 к кому-то из них за помощью.

Торн подумал, что сбежать загодя было бы лучше, чем сесть в лужу, общаясь с могущественным герцогом или его женой. Хотя его уже представили Девонширам и они успели обменяться парой дежурных фраз, Торн очень боялся, что его незнание неписаных законов света сыграет с ним злую шутку. В Пруссии с английскими герцогами ему не доводилось общаться, поскольку он был единственным в округе с тех пор, как Грей уехал в Англию.

— Во-первых, у меня нет твоих амбиций, и, в отличие от тебя, я не мечтаю завоевать расположение половины королевства. А во-вторых, я вполне могу исчезнуть незаметно, если возникнет необходимость.

— Ты так думаешь, братишка? Оглянись вокруг, добрая половина юных леди уже положили на тебя глаз.

— Или на тебя? Когда его светлость с супругой будут представлять тебя своей дочери, внимание всех будет приковано к тебе одному и моего отсутствия никто не заметит, — с усмешкой парировал Торн. — Я, как и ты, не тороплюсь жениться. Но это не значит, что я должен отказывать себе в удовольствии общения с какой-нибудь хорошенькой девицей, если она к тому же окажется еще и неглупой и занятой.

Торн услышал, как кто-то у него за спиной хмыкнул, но, оглянувшись, никого не увидел. И решил, что ему почудилось.

— Если верить тому, что я слышал о Джорджиане, — нахмурившись, сказал Грей, — она не отличается ни умом, ни сообразительностью. — Судя по всему, герцогиня и внешностью, и умом превосходит дочь.

— Досадно! Я хочу сказать, что тебе, наверное, досадно. А ты бы женился на ней только ради ее связей?

— Нет, одних только связей для брака мало. Но, если слухи не подтвердятся и она окажется хорошенькой умницей, тогда отчего бы и не жениться? — Грей с улыбкой посмотрел на Торна. — В моей жене все должно быть прекрасно, и на меньшее я не согласен.

«И скорее всего, — подумал Торн, — так оно и будет, когда Грей решит остепениться и обзавестись семьей». Грей отличался притягательной романтической внешностью: сине-зеленые глаза, точеные черты лица и черные кудри, которые всегда выглядели слегка растрепанными, словно он только что выбрался из чьей-то постели и может вернуться туда в любой момент, стоит только захотеть. Увы, к несчастью для прекрасных дам, в выборе невесты Грей был очень разборчив.

— Вот поэтому ты до сих пор не женат, — наставительно сказал Торн и, пригубив таинственную жидкость, плескавшуюся в его бокале, брезгливо поморщился. — Ты слишком высоко задрал планку.

— Как ты можешь это пить? — спросил у Торна Грей.

— Я все пытаюсь понять, что это такое. По вкусу напоминает портвейн, но гораздо слабее и слаще. И потом, едва ли портвейн стали бы предлагать дебютанткам на балу.

— То, что ты пьешь, называется негус — пунш, который англичане изготавливают из сильно разбавленного портвейна и тех специй, что окажутся под рукой. И я, сколько ни пытался приучить себя пить его не морщась, так и не преуспел за многие
8 годы.

— Какое низкое коварство! — воскликнул Торн, ища глазами лакея, которому мог бы передать недопитый бокал, но вместо лакея увидел приближающихся к ним герцога и герцогиню Девоншир. — Кажется, пора делать ноги, — добавил Торн. — Хозяйева дома идут к нам.

— Я вижу, — кивнув, сказал Грей. — С герцогом я неплохо знаком, но с его супругой и дочерью буду общаться в первый раз. Говорят, герцогиня изумительная женщина. Ты уверен, что не хочешь остаться?

— Как-нибудь в другой раз, — уклончиво заметил Торн.

В его возрасте — Торну только-только исполнился двадцать один год — о женитьбе думать было рано. Ему бы самому не утонуть в коварных водах лондонского высшего света, а о том, чтобы брать на борт жену, и речи не шло. Но Торн еще не настолько близко сошелся с Греем, чтобы признаться ему в этом.

Между тем Девонширы остановились неподалеку, чтобы пообщаться со знакомыми, и Торн, воспользовавшись моментом, скользнул за колонну, где в лихорадочном поиске выхода на балкон столкнулся с кем-то из гостей и пролил негус на жилет.

— Проклятье! — воскликнул Торн, раздраженно глядя на растекающиеся уродливые красные пятна. — Почему вы не смотрите, куда идете?

— А почему не смотрите вы? Я-то стояла здесь и никого не трогала.

Торн поднял глаза на говорившую и увидел перед собой хорошенькую девицу с возмущенно горящим взором. Как и многие юные леди, она была в белом шелковом платье, но вырез ее платья украшала вышивка золотыми нитками, и эта вышив-

ка невольно привлекала внимание к пышному бюсту. А Торну нравились полногрудые женщины.

Он тут же сменил тон.

— Простите меня, — сказал он. — Я был неправ. Я не хотел вас обидеть. Мне самому следовало быть внимательнее.

— Да, ваша светлость. Вам ужасно приспичило спрятаться от леди Джорджианы — милейшего создания, к слову сказать.

— Вы, надо думать, подслушали наш с братом разговор, — с недовольной гримасой сказал Торн. В этом, как он полагал, и заключалась причина того, что принесенное им извинение не принесло желаемых плодов. Но Торн не считал нужным извиняться за то, что не хотел встречи с леди Джорджианой. С какой стати? И вообще, подслушивать чужие разговоры недостойно леди!

Достав носовой платок, Торн принялся тереть красное пятно на жилете.

Девушка мотнула головой, отчего светлые кудряшки, обрамлявшие ее лицо, подпрыгнули и метнулись из стороны в сторону.

— Так вы сделаете только хуже. Если пойдете со мной, я помогу вам его очистить.

— Правда? И как, скажите на милость, вы это сделаете?

— С помощью шампанского и бикарбоната натрия, — ответила она таким тоном, словно говорила с неразумным ребенком.

Торн был заинтригован.

— Что такое бикарбонат натрия и где вы намерены его раздобыть?

10 — Достану из своей сумочки, разумеется.

— Ах да, как я мог забыть? Все юные леди непременно носят с собой на бал бикарбонат, — с сарказмом заметил Торн.

— Все юные леди? А я думала, что такая привычка только у меня, — сказала незнакомка и тут же добавила, не дав Торну вставить слово: — Но если не поторопимся, пятна останутся на вашем жилете навсегда.

Этот жилет не был у Торна единственным и не принадлежал к числу его особенно любимых вещей, но оставаться на балу и танцевать в заляпанной одежде он не мог, и потому предложение девицы свести с жилета пятна показались Торну стоящим. И еще ему было бы любопытно понаблюдать за тем, как она будет творить чудеса с помощью шампанского и соды — если, конечно, бикарбонат и вправду имелся у нее в ридикюле.

— Тогда я в вашем распоряжении. Ведите меня, куда считаете нужным.

Девица кивнула, забрала у Торна бокал с негусом, заменив его оставленным кем-то на подносе бокалом шампанского, и повела его на балкон.

— Библиотека у Девонширов недалеко отсюда. Мы можем заняться этим в библиотеке.

Торн едва не спросил, чем конкретно она предлагает заняться в библиотеке. Эта хорошенькая девица всерьез собирается сводить пятна с его жилета? Или у нее на уме что-то более увлекательное?

Пожалуй, второй вариант был бы предпочтительнее. Судя по наряду девушки, она дебютантка, но что, если ему очень повезло и случай столкнул его с бойкой и не слишком щепетильной замужней дамой?

Дебютантки с мужчинами обычно ведут себя иначе: она бы флиртовала с ним, строила глазки, но не потащила бы в укромный уголок. Однако

в Лондоне девушки куда смелее, чем в тех краях, где вырос Торн. И гораздо менее предсказуемые. И не все здешние правила игры были ему знакомы.

Торн был пасынком британского посла в Пруссии, и ему полагалось вести себя прилично, то есть получать от жизни минимум удовольствия. Впрочем, за шесть проведенных в Англии месяцев он несколько расслабился, беря пример с приятелей-одногодок. Но до сегодняшнего дня ни одна юная леди не приглашала его «пошалить».

Мысль о том, что Грей, возможно, прав и ему случилось встретиться с той самой охотницей за титулованным мужем, отчасти отрезвила Торна. Он решил, что не даст обвести себя вокруг пальца, хотя и отказывать себе в удовольствии не видел причины. Не так часто ему выпадала удача провести время наедине с приглянувшейся ему девицей без комплексов.

Выйдя на балкон через одну дверь, они вновь вошли в дом через другую, проследовали по почти безлюдному коридору, свернули в еще один пустой коридор...

— Раз уж вы вызвались спасти мой жилет, — сказал Торн, — я надеюсь, вы не откажитесь назвать свое имя. Позвольте представиться. Я...

— Я знаю, кто вы, сэр, — не слишком любезно перебила его незнакомка. — Здесь все вас знают. Моя подруга леди Джорджиана Девоншир указала мне на вас, рассказав, кто вы и откуда, как только мы с ней зашли в бальный зал.

— Но сказанного вашей подругой вам показалось мало, и потому вы решили подслушать наш с братом разговор? — заключил Торн.

— Все нет, — презрительно поджав губы, возразила незнакомка. — Я спряталась за колонной раньше, чем вы оказались рядом. И не для того, чтобы вас подслушать. Я, видите ли, пряталась от мачехи.

— И зачем вы от нее прятались?

Незнакомка раздраженно вздохнула.

— Затем, что она все время пытается свести меня с джентльменами, которые мне не нравятся. Я не испытываю ни потребности, ни желания выходить замуж, но она отказывается в это верить.

Торн прикусил язык. В глубине души он считал, что мачеха этой девушки права. При всей своей раздражительности и нелюбезности его новая знакомая являла собой удивительное сочетание невинности и соблазна — то самое сочетание, которое очень легко может довести девушку до беды, если мужчина окажется не вполне джентльменом. Торн пока не мог определиться со своим отношением к этой девушке.

— Понимаю, — сказал он, не придумав ничего лучшего. — Но я все еще не знаю вашего имени.

— Ах да, — вяло улыбнувшись, сказала она. — Я все время забываю о правилах хорошего тона.

— Я это заметил.

Улыбка сползла с ее лица.

— Не обязательно было на это указывать.

Торн рассмеялся.

— Право, вы самая удивительная девушка из всех, кого я знаю. Если не считать моей сестры. — Торн наклонился и перешел на шепот: — Я назову вам ее имя, если это побудит вас назвать мне ваше. Ее зовут Гвин. А вас...

— Мисс Оливия Норли.

Она сообщила ему свое имя спокойно и без жеманства. Торн был несколько разочарован, узнав, что она не та похотливая замужняя дамочка, за которую он ее принимал.

— Вот мы и пришли, — сообщила мисс Оливия, остановившись перед открытой дверью. — Зайдем?

— Как пожелаете. Это был ваш дерзкий проект.

— Так и есть, — сказала она и решительно шагнула в комнату.

Торн вошел следом, едва сдерживая смех. Его очень веселила ее решительная манера. У нее, по крайней мере, хватило ума пройти в дальний угол, где их трудно было заметить из коридора.

Мисс Оливия поставила бокал с шампанским на стол, где уже стояли в канделябре зажженные свечи. Затем раскрыла ридикуль и извлекла оттуда маленькую коробочку с немалым количеством крохотных флаконов.

— Господи, что это?

— Нюхательная соль, румяна и пудра для маман. В ее сумочке для них не нашлось места, — сообщила мисс Оливия и, раскрыв один из флакончиков, высыпала на ладонь белый порошок. — Это и есть бикарбонат натрия. Хорошо помогает при несварении.

— И, очевидно, сводит пятна от вина.

— Именно так, — подтвердила мисс Оливия и улыбнулась ему.

У Торна перехватило дыхание. Улыбка превращала ее из хорошенькой девушки в восхитительную богиню. Она переставила канделябр, подвинув его ближе к себе, и Торн увидел, что глаза у нее зеленые, цветом похожие на нефрит, того же теплого золотистого оттенка. У нее был крупный рот,

бархатные, словно персик, щеки и чуть вздернутый нос. Все это в совокупности Торн находил пленительным.

— Простите меня, — сказала она, по всей видимости не замечая того, что он не сводит с нее глаз, — но я должна просунуть ладонь под ваш жилет, чтобы как следует его очистить.

— Может, вы бы предпочли, чтобы я его совсем снял? — спросил Торн, вполне отдавая себе отчет в том, что вопрос его звучит почти неприлично. Как же она на него отреагирует?

Мисс Оливия просияла.

— Конечно! Так будет гораздо проще!

Ее явно не смутил тот факт, что приличия не были соблюдены подобающим образом. Торна это сильно позабавило. Он сбросил фрак, после чего снял жилет и вручил его мисс Оливии. Подложив под подкладку жилета носовой платок, отважная мисс принялась за дело. Вначале сбрызнула пятна шампанским, затем присыпала расплывшиеся кляксы бикарбонатом натрия. Перед его удивленным взором пятна покрылись густой пеной.

Мисс Оливия, протянув руку, попросила его передать ей носовой платок, что он и сделал. Этим носовым платком мисс Оливия собрала пену.

Торн был потрясен: от пятен ничего не осталось, лишь влажные следы — словно на жилет плеснули чистой водой.

— Где вы этому научились? — спросил Торн.

Мисс Оливия подошла к камину и принялась размахивать жилетом, чтобы тот поскорее высох.

— От своего дяди, — ответила мисс Оливия. — Он химик.

Какое странное семейство. Надо полагать, благодаря своему родственнику она знает множество способов химической чистки. Если верить Гвин, женщинам полагается все это знать и уметь, даже если им не придется заниматься этим лично.

Мисс Норли подошла и вручила Торну жилет.

— Держите. По крайней мере, до конца вечера вы в нем продержитесь. А потом отдадите его слуге, и он займется им всерьез.

— Надо не забыть отдать слуге поручение, — тем же серьезным тоном, что и она, сказал Торн. — Чем я могу отплатить вам? Глаз тритона подойдет? Или лягушачья лапка? Чем вы заполняете ваши склянки?

— К чему мне тритоньи глаза и лягушачьи лапки? Для меня они совершенно бесполезны.

Должно быть, она не читала «Макбета». Или забыла ту сцену, где ведьмы варят зелье.

Посмеиваясь, Торн застегнул жилет.

— Тогда, пожалуй, я приглашу вас на танец.

Лицо ее исказил самый неподдельный ужас.

— Даже не думайте! Хуже меня во всем королевстве никто не танцует. И, поскольку юным леди не полагается отказывать джентльменам...

— Разве? Я не знал о существовании такого правила. Но это многое объясняет. Теперь я понимаю, почему мне никто тут не отказывает, — сокрушенно заметил Торн и, подмигнув ей, добавил: — А я думал, это потому, что я так необыкновенно хорош собой.

— Вам никто не отказывает, потому что вы герцог, сэр. Поэтому, пожалуйста, не приглашайте на танец меня, а не то все кончится тем, что в дураках окажемся мы оба. И вам это не понравится, уверяю вас.

16 Торн покачал головой.

— Вы очень необычная леди, мисс Норли, — со всей искренностью заявил Торн.

Когда он, поправляя шейный платок, слегка сдвинул узел, мисс Оливия, нахмурившись, сокрушенно покачала головой.

— У вас и на шейном платке пятна. Мне придется...

— Не беспокойтесь. Пятно легко замаскировать, перевязав узел. Я бы и сам легко смог это сделать, если бы нашлось зеркало...

— Я помогу, — сказала мисс Оливия и принялась деловито возиться с его шейным платком. Немного подтянула тут, ослабила узел там. К Торну вернулись его изначальные подозрения относительно истинной цели его привода сюда.

— У вас очень хорошо получается, — похвалил ее Торн. — Должно быть, вы много практиковались.

— У моего дяди нет камердинера, и потому мне иногда приходится ему помогать, когда он ждет гостей.

— Признайтесь, мисс Норли, вы ведь привели меня сюда не только ради того, чтобы почистить мой жилет и перевязать мой крават.

Взгляд ее взметнулся вверх.

— А для чего же еще? — чуть запальчиво спросила она.

С улыбкой он взял в ладони ее лицо.

— Хотя бы для этого.

Он нежно поцеловал ее, и она испуганно отстранилась.

— О боже...

Он тихо рассмеялся и вновь ее поцеловал.

На этот раз она обхватила его руками за талию и, привстав на цыпочки, подставила